

Политическая лингвистика. 2025. № 5 (113).
Political Linguistics. 2025. No 5 (113).

УДК 81'42+81'38+81'27
ББК Ш105.51+Ш100.623

ГРНТИ 16.31.41; 16.21.27

Код ВАК 5.9.8

Ли Ян^{1✉}, Юй Фэнин^{2✉}

^{1,2} Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли, Гуанчжоу, Китай

¹ liyang9110@vip.qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

² 232458904@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0004-5340-3476>

Идеологическая адаптация в русском переводе китайского политического дискурса: лингвистические аспекты (на примере Совместного заявления РФ и КНР)

АННОТАЦИЯ. В данной работе исследуются особенности двойного перевода китайского политического дискурса на русский язык с учетом идеологической составляющей. Основное внимание уделяется анализу формулировок Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики. Исследование охватывает лексические, синтаксические и стилистические особенности перевода, а также способы передачи идеологических клише и специфических политических терминов. Особое внимание уделяется вопросам сохранения прагматического потенциала оригинала при переводе и адаптации текста для русскоязычной аудитории. В результате анализа предлагаются модели идеологической адаптации на различных языковых уровнях.

Актуальность исследования обусловлена растущим интересом к китайской политической повестке в российских СМИ и необходимостью качественного перевода официальных документов с сохранением их идеологической составляющей. Усиление геополитического и экономического влияния Китая требует наличия информационного свободного поля, с помощью которого будут преодолены языковые барьеры, что представляет вопрос стратегической важности. Для наиболее точного соответствия смысла документов нюансам, связанным с установкой контакта между двумя странами, необходимо рассмотреть и обозначить текущие проблемы, существующие на уровне двойного перевода. Актуальным становится следующий перечень проблем: языковая интерференция, правильный подбор синонимов, вынужденный пропуск определенных компонентов, входящих в состав текста, а также китайская специфика. В работе рассматриваются особенности передачи таких элементов, как идеологические клише, эмфатические конструкции и стилистические приемы, характерные для китайского политического дискурса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политический дискурс, политическая идеология, идеологическая адаптация, переводоведение, политический перевод, переводческая деятельность, политические тексты, китайский язык, русский язык, политические деятели, прагматический потенциал, идеологические клише, лингвистические стратегии, официальные доклады, политическая коммуникация, модели адаптации.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ: Ли Ян, кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой, институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, пров. Гуандун, пр-т Лянтяньчжунлу, 181; email: liyang9110@vip.qq.com.

Юй Фэнин, кандидат филологических наук, доцент, декан, Институт европейских языков и культур, Коммерческий институт Наньго при Гуандунском университете иностранных языков и международной торговли; 510545, Китай, пров. Гуандун, пр-т Лянтяньчжунлу, 181; email: 232458904@qq.com.

БЛАГОДАРНОСТИ. Оказана поддержка Центра многоязычных переводов и распространения китайской культуры, ключевой исследовательской базы гуманитарных и социальных наук в университетах Гуандуна (ID: 2021WZJD008) / Проект обеспечения качества образования в университетах провинции Гуандун на 2024 год: Учебно-методическое объединение по переводу с русского языка. (本文系广东省人文社科重点研究基地《多语种中华文化译介中心》(编号: 2021WZJD008) 和2024年广东省级本科高校质量工程项目:《俄语翻译课程教研室》)的阶段性和成果).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Ли, Ян. Идеологическая адаптация в русском переводе китайского политического дискурса: лингвистические аспекты (на примере Совместного заявления РФ и КНР) / Ли Ян, Юй Фэнин. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2025. — № 5 (113). — С. 199-208.

Li Yang^{1✉}, Yu Fengying^{2✉}

^{1,2} South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, Guangdong, China

¹ liyang9110@vip.qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0001-4793-8069>

² 232458904@qq.com✉, <https://orcid.org/0009-0004-5340-3476>

Ideological Adaptation in the Russian Translation of Chinese Political Discourse: Linguistic Aspects (Based on the Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China)

ABSTRACT. *This study explores the peculiarities of the double translation of Chinese political discourse into Russian, taking into account its ideological dimension. The primary focus is on the analysis of the wording used in the “Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China.” The research covers lexical, syntactic, and stylistic features of the translation, as well as methods for conveying ideological clichés and specific political terminology. Special attention is paid to preserving the pragmatic potential of the source text during translation and adapting it for a Russian-speaking audience. The analysis results in suggesting models of ideological adaptation at various linguistic levels.*

The relevance of this research stems from the growing interest in China's political agenda in Russian media and the need for high-quality translation of official documents that retain their ideological constituent. The increasing geopolitical and economic influence of China necessitates an open information space to overcome language barriers, which is, undoubtedly, a matter of strategic importance. To ensure the most accurate correspondence of the meanings of the documents, including nuances related to fostering bilateral relations between the two countries, it is essential to identify and examine the current challenges inherent in double translation. The study highlights the following relevant issues: linguistic interference, appropriate synonym selection, unavoidable omissions of certain textual components, and China-specific peculiarities. The study also addresses the specificity of translation of such elements as ideological clichés, emphatic constructions, and stylistic devices characteristic of Chinese political discourse.

KEYWORDS: *political discourse, political ideology, ideological adaptation, translation studies, political translation, translation activity, political texts, Chinese language, Russian language, politicians, pragmatic potential, ideological clichés, linguistic strategies, official reports, political communication, adaptation models.*

AUTHOR'S INFORMATION: *Li Yang, PhD, Associate Professor, Director of Russian Language Department, Institute of European Languages and Cultures, South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.*

Yu Fengying, PhD, Associate Professor, Dean, Institute of European Languages and Cultures, South China Business College of Guangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China.

ACKNOWLEDGMENTS. *This article was supported by the grant of “Center for Multilingual Translation and Dissemination Studies of Chinese Culture” (No. 2021WZJD008) and 2024 Guangdong University Quality Assurance Project: Teaching and Research Section of Russian Translation.*

FOR CITATION: *Li Yang, Yu Fengying. (2025). Ideological Adaptation in the Russian Translation of Chinese Political Discourse: Linguistic Aspects (Based on the Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China). In *Political Linguistics*. No 5 (113), pp. 199-208. (In Russ.).*

В данной статье представлен пример качественного исследования, проведенного в области синхронного перевода политического текста на русском и китайском языках. Цель состоит в том, чтобы проследить, как переводчик передает идеологию исходной речи, которую он или она переводит, средствами массовой информации и в какой степени его или ее собственные знания или идеология могут помешать этому процессу. Для осуществления основной цели необходимо дополнительно сформировать список и провести выявление способов идеологической адаптации при переводе китайских текстов на русский язык, провести лингвоидеологический и глубокий анализ языковой ткани, а также изучить лингвистическую асимметрию с точки зрения потенциала служить конструктивным катализатором при формировании диалога. Необходимость углубленного изучения темы опирается на последовательные и четкие постулаты, которые связаны с характерными признаками Китая, его языка, обычаев и прочего, что может оказывать влияние на особенности перевода. Основной проблемой, с которой сталкивается переводчик, является фактор разнообразия лексики: в языке и, соответственно, в документе встречаются безэквивалентные термины, прецедентные феномены и коммуникативно объяснимые неточности.

Разбор подобных случаев приводит к полному анализу стилистических фигур и культурного контекста.

Мы знаем, что изучение идеологии в целом не является новым явлением [Koskinen 2000], как и ее изучение в переводе [Lourak 2009].

Однако верно и то, что примеры анализа идеологии в синхронном переводе довольно редки, за исключением некоторых работ [Schaffner 2011; Venuti 1992], возможно, из-за сложности как ее практики [Verschuere 2012; Vidal Claramonte 2010], так и ее исследования, что делает очень трудным различение произвольного и непроизвольного поведения, особенно из-за скорости, с которой происходят различные процессы [Riccardi 2005: 764].

Исследования, проводимые в данной области, позволили изучить уже существующие достижения и направления: возможность идентифицировать и анализировать ключевые идеологические концепции, а также провести терминологическую адаптацию наравне с описательным переводом и транслитерацией. Углубленный способ изучения необходим для выявления фраз, оборотов и грамматических приемов, которые позволяют наиболее точно толковать текст.

Существует целый ряд исследований, проведенных как в Китае, так и в России, которые посвящены изучению данной темы.

Среди российских ученых следует выделить работы Т. Н. Лобановой [Лобанова 2013], занимавшейся проблемами перевода политических текстов в лингвопрагматическом аспекте. Нельзя не упомянуть и научные статьи К. В. Волкова [Волков 2021], одна из которых получила известность как краткий курс по лингвотипологическим проблемам — «Переводческие трансформации как средство решения лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода». Данная статья привлекает внимание своей актуальной проблематикой, поскольку рассматривает и детально анализирует ключевые аспекты, связанные со стратегиями политического перевода.

Также значительный вклад в изучение данной проблематики вносит китайский исследователь Фань Юаньюань [Фань Ю. 2024], который опубликовал ряд работ, ориентированных на учебные программы для студентов, планирующих профессиональную деятельность в сфере перевода. В своей статье, посвященной методике преподавания перевода политического дискурса с китайского языка на русский, он подробно охарактеризовал стратегии и практики, способствующие пониманию не только специфики китайской лексики, но и особенностей русской языковой картины мира.

Среди китайских авторов следует также отметить работу Сюй Лихуна [Сюй Л. 2017], который анализировал особенности передачи политической терминологии при переводе с китайского языка на русский. Его исследование затрагивает ключевые аспекты обеспечения адекватности и идеологической нейтральности в условиях межъязыкового и межкультурного взаимодействия. В области теоретических основ перевода значимыми представляются работы Ю. Найды [Найда 1978] и К. Райс [Райс 1978], заложивших основы функционального подхода, а также Л. Венути [Venuti 1992], подчеркивавшего роль культурного контекста.

В нашем случае мы исходим из того, что переводчик официальных документов всегда является нейтральным профессионалом, поэтому не должно быть качественных различий в передаче идеологии, присутствующей в исходном тексте. Однако мы также осознаем существование четырех факторов, которые мы приняли во внимание в этой работе.

Во-первых, как утверждает теория (разработанная в основном в области письменного перевода) школы манипуляции, в переводе нет нейтральности [Röschhake 2000], чему придерживающиеся этой теории ученые приводят многочисленные примеры.

Во-вторых, работа главным образом касается области социальной интерпретации, относительно которой различные авторы обращали внимание на позиционирование некоторых переводчиков, а также на точку зрения этих же специалистов, которые считают, что их роль выходит за рамки «простых» переводчиков, и подчеркивают путаницу, которую их роль часто у них вызывает [Wadensjö 1998].

Третий аспект — когнитивный. Мы знаем, что переводчик — это читатель, и он всегда будет подходить к новому тексту с собственными убеждениями, даже не осознавая этого [Wadensjö 2001]. То есть у переводчика есть свои собственные идеи, свое собственное мировоззрение, которое может не совпадать с мировоззрением говорящего, для которого он переводит, и которое он может невольно раскрыть в ходе своей работы.

Четвертый, но не менее важный момент, это наше собственное восприятие и опыт как переводчиков, которые показывают нам, что идеология иногда очень тонка и почти незаметна и что отпечаток наших собственных убеждений обладает сильной инерцией и может непреднамеренно оказывать влияние при работе и заставлять нас изменять содержание исходного текста. Важно помнить, что чем более знакомы говорящие и ситуации, которые мы интерпретируем, тем больше будет наше предварительное знание. Это было, по сути, одной из причин, повлиявших на корпус исследований и побудивших выбрать анализ синхронного перевода для политических речевых СМИ.

Термин «идеология» широко обсуждается с тех пор, как его ввел в употребление французский философ Дестют де Траси в конце XVIII в. в своих работах «*Mémoire sur la faculté de penser*» (1796) и «*Elements d'idéologie*» (1801).

Однако со временем термин «идеология» эволюционировал до такой степени, что перестал обозначать абстрактную и неосознаваемую теорию и стал обозначать неотъемлемую характеристику человека, которая является объектом анализа различных дисциплин, стремящихся понять, как возникает идеология, как она распространяется и как манипулирует людьми, т. е. каково ее место и влияние в обществе.

Поэтому мы будем понимать идеологии как основные социальные убеждения определенных групп, которые укоренены в общих представлениях культур. Идеологии «представляют идентичность и интересы группы, определяют групповую сплоченность и организуют совместные действия, которые реализуют цели группы» [Wadensjö 2001].

Работа не будет определять их как истинные или ложные, поскольку этот аспект не имеет отношения к нашему объекту исследования. Современные лингвисты исходят из предпосылки, что язык всегда воспроизводит идеологию [Dubsclaff 2012] и асимметричные властные отношения, которые существуют между писателем и читателем, особенно когда один из участников представляет учреждение или работника средств массовой информации [Wai-Ping 2007]. Другими словами, недостаточно изучать текстовые маркеры, которые передают определенную идеологию; мы должны также проанализировать роль отправителя, поскольку чем больше у него власти, тем больше распространение идеологии.

Проблема возникает именно при попытке раскрыть идеологический аспект перевода. Поскольку это акт коммуникации между языком А и языком В, он порождает большую сложность, поскольку необходимо изучить роль переводчика-интерпретатора в передаче идеологии, ведь лингвистическая перспектива переводчика неизбежно будет отличаться от авторской и это может быть отражено в принимающем тексте. Кроме того, в случае перевода недостаточно изучить роль переводчика или проанализировать или сравнить тексты; необходимо изучить дополнительные вопросы, такие как влияние, оказываемое различными языками или культурами, сам контекст и даже трудности, связанные с интерпретацией этого текста. Особенно в ситуации, когда речь будет идти об официальных документах таких разных языков, как русский и китайский.

Материалов работы стало подписанное в мае 2025 г. Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой совместное заявление, приуроченное к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне. Документ знаменует новый этап в развитии российско-китайских отношений и определяет основные направления их дальнейшего укрепления.

Документ представляет собой комплексный план развития российско-китайских отношений на новом этапе их развития. Особое внимание уделяется укреплению стратегического партнерства, развитию экономического сотрудничества и сохранению исторической памяти. Документ демонстрирует готовность обеих стран к дальнейшему углублению взаимодействия в различных сферах и противодействию попыткам вмешательства во внутренние дела суверенных государств.

Подписанное заявление закладывает основу для дальнейшего укрепления рос-

сийско-китайских отношений в условиях меняющегося миропорядка. Документ подчеркивает уникальность и самодостаточность российско-китайского партнерства, его независимость от влияния третьих стран и нацеленность на формирование более справедливого многополярного мира.

Материал исследования предлагает лексический и терминологический пласт, позволяющий ознакомиться со специализированной лексикой. Также можно провести грамматический и стилистический анализ, который формирует представление о логической организации текста. Но в большей степени изучение именно комплексного плана развития российско-китайских отношений способствует базовому пониманию межкультурной коммуникации, благодаря которой выстраиваются отношения между двумя странами без фактического недопонимания особенностей стиля и лингвистических средств.

Прежде чем перейти к применению методологической базы, следует изучить, на чем она основывается и какие постулаты избираются для выбора того или иного подхода. В рамках исследования особенностей идеологической адаптации в русском переводе была разработана методика анализа, учитывающая приемы следующих методов и исследовательских концепций.

- Теория функционального перевода, которая определяет не только цель самого перевода, но и роль переводчика, что занимается адаптацией. Впервые подобную концепцию предложили Ю. Найда [Найда 1978] и К. Райс [Райс 1978], когда работали над статьями, посвященными передаче функционального воздействия тех или иных речевых оборотов вместе со смыслом.

- Теория культурного перевода. Чтобы не спутать с вышеописанной ступенью методологической базы, следует знать основное отличие: данная теория подчеркивает роль китайской культуры в текстах, необходимых для перевода. Работы, например Л. Венути [Venuti 1992], демонстрируют воздействие акта культурной интервенции на смысл и общее понимание, что нельзя не отметить в качестве значительного шага к пониманию норм и правил иностранного языка.

- Наконец, дискурсивная компаративистика, представляющая из себя сравнение оригинала на китайском языке и его перевода на русский язык с единственной целью: выявить все трансформации, которые произошли в ходе данного перевода (необходимо иметь в виду, что такие трансформации зачастую затрагивают не только лексические нормы, но даже грамматические и пунктуационные).

Методологическая база исследования опирается на комплексный подход, включающий компаративный анализ оригинального текста и его перевода, контент-анализ идеологических маркеров и дискурс-анализ для выявления прагматического потенциала текста. Особое внимание уделяется семантико-стилистическому анализу для изучения способов передачи стилистических приемов и идеологических клише.

Авторская методика исследования предполагает постепенное, поэтапное изучение материала, начинающееся с лингвистических аспектов, которые раскрывают базовые приемы в области идеологической окраски лексики. Далее грамматический и синтаксический уровень в более углубленном плане исследования демонстрирует структуру предложений и конструкции именного формата. Наконец, завершение исследования не просто систематизирует полученные результаты, но и позволяет углубиться в прагматический уровень, который предполагает изучение коммуникативной цели, целевой аудитории и культурных реалий.

Полезность такого исследования характеризуется теоретической значимостью для уточнения формата терминологического аппарата и выявления иной специфики, которая может быть полезна при составлении ответного текста.

Автор дает понять, что смысл точного, а не приблизительного перевода политического дискурса влияет на сами культурные различия, но образованы они именно влиянием идейных направлений и течений, обуславливающих необходимость точного перевода.

Методика также строится на анализе как культурных отсылок, так и стилистически выверенных приемов, которые уместно использовать в тех или иных строках.

Культурные отсылки как текстового формата предоставляемой информации, так и речей могут содержать фразы, знакомые лишь одному народу, поэтому правильный перевод подобных фраз позволяет ощутить полноценную картину происходящего.

Методика анализа материала реализуется также в несколько последовательных этапов. На подготовительном этапе осуществляется детальное изучение корпуса исследуемых текстов. Производится выделение ключевых идеологических маркеров, составление терминологического словаря с учетом специфики политического дискурса обеих стран.

На лексическом этапе проводится анализ способов передачи идеологических клише и специфических политических терминов, исследуются особенности перевода реалий и культурно-специфических понятий.

Особое внимание уделяется анализу передачи официальных титулов и наименований исторических событий.

Синтаксический анализ включает изучение особенностей трансформации синтаксических конструкций при переводе, исследование способов передачи модальных значений и оценку сохранения структурной организации оригинала. При этом особое внимание уделяется анализу атрибутивных цепочек и номинативных конструкций.

Стилистический анализ направлен на выявление и сопоставление стилистических приемов в оригинальном тексте и переводе, оценку сохранения стилистического единства текста. Исследуются особенности адаптации стилистических средств с учетом специфики дипломатического дискурса.

Прагматический анализ фокусируется на оценке оригинала, эффективности передачи идеологического компонента и особенностей адаптации текста для русскоязычной аудитории.

Рассмотрение терминологии и концептуальных систем разрабатывается для того, чтобы была решена проблема эквивалентности, проведена адаптация уже существующих китайских терминов в русском языке, а также разобраны более сложные концепции, которые заносились в глоссарий.

Риторический анализ позволяет использовать уровни формальности, соблюдаемой вежливости в рамках того или иного документа, а также изучить эмоциональную окраску, присущую китайскому политическому языку.

Системный анализ позволяет ориентироваться в функциональной стилистике, так как доклад о работе правительства Китая рассматривается в качестве фактической подсистемы, которая состоит из элементов индивидуальных подстилей. Это значит, что выбор коммуникативного уровня зависит от стиля текста.

Анализ лексических маркеров не стоит путать с вышеуказанным лексическим этапом. Данный вид связан с правильным оформлением обращений, формул вежливости на письме, также включает в себя использование взъяснизов и глагольных именных словосочетаний.

Заключительный этап исследования предполагает систематизацию полученных результатов, формулировку выводов относительно особенностей идеологической адаптации в русском переводе и разработку практических рекомендаций для переводчиков дипломатических документов.

Критериями оценки качества перевода выступают точность передачи идеологиче-

ского компонента, сохранение стилистического единства текста, адекватность передачи культурных особенностей, эффективность адаптации текста для целевой аудитории и соответствие нормам дипломатического дискурса.

Научная новизна исследования заключается в разработке моделей идеологической адаптации китайского политического дискурса при переводе на русский язык, что позволяет систематизировать подход к передаче идеологических нюансов. Уникальность идеологической системы и специфика языка, с которым России доведется взаимодействовать в долгосрочной перспективе, обуславливают необходимость разработки новых подходов к переводу идеологических текстов, исследования механизмов идеологической адаптации, а также анализа влияния этой адаптации на восприятие. Сама тема тесно связана с необходимостью изучения делового китайского языка для построения благоприятных отношений между народами двух стран, так как приведенный документальный пример является лишь первым приближением к разностороннему изучению письменного политического дискурса.

Лингвистические стратегии перевода включают в себя необходимость соответствия этикету, который у Китая несколько отличается от российского, также надо уделить должное внимание устойчивым словосочетаниям и словам-ограничителям, которые можно использовать только в единственном контексте.

Дипломатический стиль обеих стран, отраженный в тексте, характеризуется высокой степенью формальности, точностью формулировок, избеганием двусмысленности, использованием стандартизированных клише и акцентом на вежливость и уважение. Следовательно, для анализа особенностей передачи языковых средств при переводе необходим постраничный анализ документа с акцентом на семантические различия.

Система официальных титулов в китайском языке включает 主席 (председатель), 总统 (президент), 元首 (глава государства). В русском языке используются функционально эквивалентные термины: Председатель, Президент, Глава государства.

В частности, наглядно проявляются различия в номинации исторических событий. В китайском тексте применяется термин 苏联伟大卫国战争 (*Великая Отечественная война Советского Союза*), тогда как для описания событий в Китае используется 中国人民抗日战争. Подобная терминологическая вариативность является идеологически мотивированным актом номинации: каждая

из этих идеологически детерминированных номинаций конструирует специфический национальный нарратив, подчеркивая роль, жертвенность и героизм народа в рамках доминирующей государственной версии истории.

В значительной степени лексический отбор обусловлен идеологическими установками обеих стран. Сопоставительный анализ выявляет, что китайский текст отличается большей дескриптивной насыщенностью, использует развернутые формулировки, такие как 全面战略合作伙伴关系, 新时代 (*новая эпоха*), 核心利益 (*ключевые интересы*). Русскоязычный вариант, при полном сохранении концептуального соответствия и смысловой точности, отличается лаконичностью и соответствует традициям российского дипломатического канцелярита: *всеобъемлющее партнерство, новая эпоха, ключевые интересы*.

В тексте документа систематически представлена ключевая официально-деловая терминология: 双方 (*стороны*), 声明 (*заявление*), 主战场 (*главный театр военных действий*), 仆从国 (*сателлиты / страны-сателлиты*). Соответствующие русские термины — *стороны, заявление, театр военных действий, сателлиты* — являются функционально эквивалентными. Данная терминологическая конвергенция свидетельствует не столько о лингвистической унификации как таковой, сколько о глубинной идеологической синхронизации позиций: конкретный выбор лексических единиц и особенности их употребления непосредственно детерминированы сложившимися дискурсивными практиками и официальными историко-политическими нарративами обеих стран.

Для синтаксических структур китайского текста характерны развернутые атрибутивные последовательности и активное употребление модальных частиц. Яркой иллюстрацией этого служит фраза 中国和苏联分别作为亚洲和欧洲主战场, демонстрирующая специфическую синтагматическую организацию.

Напротив, русский текст выстраивается по модели с четкой предикативно-субстантивной доминантой, где преобладают причастные обороты и выраженный акцент на агенсе. Одновременно ключевая особенность заключается в синтезе формальной гармоничности, достигаемом посредством:

– консенсусо-ориентированных формул, таких как «*两国元首一致认为*» (*пришли к единому мнению*);

– синтаксической агломерации ритмически устойчивых четырехсложных блоков (напр.,

всеобъемлющее стратегическое партнерство).

Данные синтаксические стратегии служат вербальным воплощением идеологического акцента на баланс, единство и коллективное действие.

Относительно свободный порядок слов в китайском языке предоставляет возможность для вариативности, что активно используется для идеологического акцентирования. В противоположность этому, русский официально-деловой стиль характеризуется строго фиксированным синтаксисом. Эта разница наглядно проявляется при сравнении конструкций:

Китайский оригинал: 两国元首在会谈中充分肯定中俄关系 (досл.: *Лидеры двух стран в ходе переговоров высоко оценили китайско-российские отношения*). Здесь обстоятельство времени «在会谈中» (в ходе переговоров) может гибко позиционироваться.

Русский перевод: *Лидеры высоко оценили отношения в ходе переговоров*. В русском варианте соблюдается жесткий порядок S-V-O, а обстоятельство времени обычно следует за глагольной группой, что минимизирует вариативность акцентирования.

Китайский текст характеризуется преобладанием имперсональных конструкций, употреблением модальных частиц и развернутых атрибутивных последовательностей. Эта тенденция иллюстрируется фразой «两国元首在莫斯科举行正式会谈», где агенс действия имплицитен, несмотря на формально активную конструкцию. Напротив, русскоязычный дискурс базируется на эксплицитной предикативно-субстантивной модели с систематическим использованием причастных/деепричастных оборотов и полипредикативных структур.

Данный контраст идеологически детерминирован фундаментальным различием коммуникативных стратегий.

Китайская парадигма, акцентирующая гармонию и коллективную волю, реализуется посредством консенсусных имперсональных формул (напр., «пришли к единому мнению»). Русская установка, фокусирующаяся на прямоте и исторической значимости, проявляется в актантно-ориентированном моделировании событий (напр., «ознаменовал крах...»), где четкое выражение агента подчеркивает причинно-следственные связи и авторство исторических свершений.

Проведенный анализ выявил системные расхождения между китайским и русским политическим дискурсом на всех языковых уровнях. Эти различия обусловлены глубинными культурно-идеологическими факторами, формирующими представление о поли-

тической реальности, структуре власти и историческом нарративе. Указанная специфика, закономерно проявляющаяся в дипломатических текстах, требует применения специализированных стратегий перевода и герменевтической осторожности при интерпретации. Стилистический анализ подтверждает фундаментальный контраст между двумя языковыми традициями: китайский стиль характеризуется акцентом на формальную гармоничность и сложные синтаксические агломерации. Иллюстрацией служит полноструктурная фраза: «作为建立多极世界进程中的独立力量», где номинативная конструкция создает эффект статичного, объективного статуса. Русский стиль, напротив, ориентирован на смысловую прямоту и акцентирование исторической значимости событий: «способствовать установлению справедливого и демократического миропорядка». Подобные предикативные конструкции с глагольным ядром передают динамику действия и директивную интенцию.

Таким образом, языковые различия выступают не просто лингвистическими особенностями, а инструментами символического производства власти и идеологического позиционирования в международном дискурсе.

МОДЕЛИ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ

На основе проведенного анализа можно выделить пять основных моделей идеологической адаптации китайского политического дискурса при переводе на русский язык.

Модель лексической адаптации предполагает системный подбор функционально эквивалентных терминов с учетом идеологической нагрузки. Это касается передачи официальных титулов (主席 — Председатель), наименований исторических событий (苏联伟大卫国战争 — Великая Отечественная война Советского Союза) и специфических политических клише (全面战略协作伙伴关系 — всеобъемлющее партнерство и стратегическое взаимодействие). Модель основывается на принципе концептуального соответствия при адаптации к нормам языка-рецептора.

Модель синтаксической адаптации заключается в трансформации синтаксических структур для соответствия грамматическим нормам русского языка и дипломатического регистра. Свободный порядок слов и имперсональные конструкции китайского оригинала (两国元首在会谈中充分肯定中俄关系) преобразуются в конструкции с жестким порядком слов и эксплицитным выражением агенса в русском переводе (*Лидеры высоко оценили отношения в ходе переговоров*).

Данная модель обеспечивает смысловую прямоту и ясность, ожидаемую русскоязычной аудиторией.

Модель стилистической адаптации направлена на сохранение стилистического единства и регистра дипломатического документа. Она предполагает замену китайских стилистических агломераций и номинативных конструкций, создающих эффект статичного статуса, на русские предикативные конструкции с глагольными ядрами, передающими динамику действия и директивную интенцию (*способствовать установлению справедливого и демократического миропорядка*). Модель обеспечивает соответствие традициям российского дипломатического официально-делового стиля.

Модель прагматической адаптации фокусируется на сохранении прагматического потенциала оригинала и эффективной передаче идеологического компонента целевой аудитории. Это включает адаптацию культурно-специфических понятий, учет фоновых знаний аудитории и обеспечение желаемого восприятия текста. Модель позволяет добиться корректной интерпретации в ином лингвокультурном контексте идеологических нюансов, заложенных в оригинале.

Модель риторической адаптации учитывает уровни формальности, вежливости и эмоциональной окраски, характерные для китайского политического языка. Она предполагает передачу риторических приемов, устойчивых словосочетаний и этикетных формул таким образом, чтобы они соответствовали ожиданиям русскоязычного читателя в рамках дипломатического дискурса, сохраняя при этом убедительность и идеологическую направленность исходного высказывания.

ВЫВОДЫ

Проведенный лингвоидеологический анализ Совместного заявления России и Китая недвусмысленно свидетельствует о кристаллизации уникальной модели стратегического взаимодействия. Эта модель зиждется на незыблемых принципах взаимного уважения государственного суверенитета и категорического неприятия внешнего вмешательства, при этом документ последовательно актуализирует защиту исторической правды как объединяющую ценность. Основной целью исследования было выявление и моделирование механизмов идеологической адаптации на различных языковых уровнях.

Глубинный анализ языковой ткани документа выявил фундаментальную закономерность: различия в репрезентации поли-

тической реальности на всех уровнях языка — от номинации ключевых исторических событий (где даже при эквивалентности дипломатических клише сохраняются идеологически значимые нюансы, как в случае с обозначением ВОВ) до синтаксических структур (вариативность и имплицитность китайского текста vs. предикативная жесткость и эксплицитная каузативность русского) и стилистических регистров (ритуализированное единодушие через четырехиероглифные блоки vs. императивная ясность через предикативные ядра) — не являются случайными, а напрямую детерминированы базовыми национально-идеологическими установками сторон. Это подтверждает ключевой тезис исследования: идеология проявляется имманентно не только в семантике политического дискурса, но и неразрывно воплощена в самой его лингвистической форме. На основе этого были разработаны модели идеологической адаптации (лексическая, синтаксическая, стилистическая, прагматическая, риторическая), систематизирующие подход к переводу.

Примечательно, что вопреки этому выраженному лингвоидеологическому дуализму, документ демонстрирует поразительную способность к формированию единого смыслового поля. Достигается это благодаря уникальной роли дипломатического регистра, который выступает здесь не просто стилистическим кодом, а активным трансформационным механизмом. Этот механизм выполняет двойную функцию конвертации: с одной стороны, он преобразует изначально национально-специфичные языковые паттерны в мощный инструмент совместного бинарного идеологического позиционирования на международной арене; с другой стороны, он использует глубинные культурные традиции каждой страны (отраженные в их языковых кодах) как ресурс для взаимной семиотической адаптации. Таким образом, языковые различия, традиционно служившие инструментом символического производства и укрепления внутренней, национальной власти, в контексте данного диалога высшего уровня удивительным образом трансмутируются. Они становятся эффективным механизмом конструирования принципиально нового, совместного геополитического нарратива, выражающего общие стратегические интересы.

Описанный процесс имеет глубокие импликации для теории и практики политического перевода. Он обнажает исключительную герменевтическую сложность задачи переводчика таких текстов, требующую двойной, а подчас и тройной чуткости: во-

первых, к тончайшим нюансам идеологического подтекста, заложенного в языковых структурах оригинала; во-вторых, к идеологической нагрузке, имманентно присущей нормам и структурам языка-рецептора; и, в-третьих, к необходимости их гармоничного сопряжения в рамках дипломатического канона. Хотя общие черты дипломатического регистра обеих стран — его высокая степень формальности, безупречная точность формулировок и стремление к абсолютной однозначности — создают необходимый общий знаменатель и рабочую среду, ключевым условием успеха становится именно способность распознавать, интерпретировать и адекватно передавать те самые идеологически маркированные лингвистические элементы, которые и составляют суть выявленного различия и основу для последующей адаптации. Предложенные модели служат практическим инструментарием для решения этой задачи.

В итоге, Совместное заявление представит не просто как политический документ, а как яркий лингвистический феномен. Оно убедительно доказывает, что лингвистическая асимметрия, отражающая различия в мировидении и идеологических акцентах, не только не является непреодолимым барьером для диалога, но может стать его конструктивным двигателем. Документ воплощает в жизнь модель сотрудничества, основанную на глубокой взаимной легитимации дискурсивных практик партнера. Научная новизна и значимость данного исследования заключаются в раскрытии парадоксального механизма, при котором различия в способах языковой репрезентации реальности (лексических, синтаксических, стилистических) перестают быть источником непонимания и трансформируются в активный ресурс коммуникации. Они становятся тем самым семиотическим «сырьем», которое, проходя через трансформационный механизм дипломатического регистра и будучи систематизировано в виде моделей адаптации, позволяет двум различным политико-лингвистическим системам выработать и утвердить единую, согласованную геополитическую нарратацию, обладающую убедительной силой для обеих аудиторий и международного сообщества в целом.

ИСТОЧНИКИ

1. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в новую эпоху в ознаменование 80-летия Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, Победы китайского народа в Войне сопротивления японской агрессии и образования Организации Объединенных Наций // Документ от 7–10 мая 2025 г. = 中华人民共和国和俄罗斯联邦

在纪念中国人民抗日战争、苏联伟大卫国战争胜利和联合国成立 80 周年之际关于进一步深化中俄新时代全面战略协作伙伴关系的联合声明。

2. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите инвестиций от 8 мая 2025 г. // Официальный сайт Правительства РФ. = 中华人民共和国政府和俄罗斯联邦政府关于促进和相互保护投资的协定。

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Волков, К. В. Переводческие трансформации как средство решения лингвотипологических и лингвокультурных проблем китайско-русского перевода / К. В. Волков // Современное педагогическое образование. — 2021. — № 3. — С. 203–208. — EDN: JXBJUX.
2. Лобанова, Т. Н. Проблема перевода политических текстов в лингвопрагматическом аспекте (на материале газет КНР) / Т. Н. Лобанова // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. — 2013. — № 2. — С. 226–230. — EDN: QCURXB.
3. Найда, Ю. К науке переводить / Ю. Найда // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике / под общ. ред. В. Н. Комиссарова. — Москва: Высшая школа, 1978. — С. 114–137.
4. Райс, К. Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. — Москва, 1978. — С. 202–228.
5. Сюй, Л. Метафора в речи председателя КНР Си Цзиньпина: политико-лингвистический анализ / Сюй Л. // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 135–140. — EDN: YMJXNK.
6. Фань, Ю. Преподавание перевода политического дискурса с китайского на русский: Стратегии и практика в Китае / Ю. Фань // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2024. — № 11-1 (98). — С. 218–220. — EDN: BSBXXQ.
7. Koskinen, K. Institutional Illusions: translating in the UE Commission / K. Koskinen // The Translator. — 2000. — Vol. 6, No. 1. — P. 49–67.
8. Loupaki, E. De l'aspect idéologique de la traduction: La campagne présidentielle française vue par la presse grecque / E. Loupaki // Les présidentielles 2007 au filtre des médias étrangers / ed. C. Pineira. — Paris: L'Harmattan, 2008. — P. 207–217.
9. Loupaki, E. Investigating Translators Strategies in Rendering Ideological Conflict: the case of News Translation / E. Loupaki // Political Discourse, Media and Translation / eds. C. Schaffner, S. Bassnett. — Cambridge: Cambridge Scholars Publ., 2010. — P. 55–75.
10. Venuti, L. Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology / L. Venuti. — London; New York: Routledge, 1992. — 254 p.
11. Venuti, L. Processing of phraseological units of the Chinese language in the translation / L. Venuti. — 1994. — 176 p.
12. Verschueren, J. Ideology in Language Use: Pragmatic Guidelines for Empirical Research / J. Verschueren. — Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2012. — 308 p.
13. Vidal Claramonte, M. Á. Traducción y asimetría / M. Vidal Claramonte. — Frankfurt: Peter Lang, 2010. — 189 p.
14. Wadensjö, C. Interpreting as Interaction / C. Wadensjö. — London; New York: Longman, 1998. — 320 p.
15. Wadensjö, C. Approaching interpreting through discourse analysis / C. Wadensjö // Getting Started in Interpreting Research. — Amsterdam: John Benjamins, 2001. — P. 185–198.
16. Yau, W.-P. Norms, Systems and Ideology: a Case Study / W.-P. Yau // The Translator. — 2007. — Vol. 13, No. 2. — P. 321–339.

MATERIALS

1. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Further Deepening Relations Comprehensive partnership and strategic cooperation in a new era to commemorate the 80th anniversary of the Soviet Union's victory in the Great Patriotic War, the Chinese people's victory in the War of Resistance against Japanese Aggression, and the founding of the United Nations. Document of May 7–10 2025.

2. Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on the

promotion and mutual protection of investments, dated May 8, 2025 // Official website of the Government of the Russian Federation.

REFERENCES

1. Volkov, K. V. (2021). Perevodcheskie transformacii kak sredstvo resheniya lingvotipologicheskikh i lingvokul'turnykh problem kitajsko-russkogo perevoda = Translation Transformations as a Means of Solving Lingvotypological and Lingvocultural Problems of Chinese-Russian Translation. *Modern Pedagogical Education*, 3, 203–208. EDN: JXBJUX.
2. Lobanova, T. N. (2013). Problema perevoda politicheskikh tekstov v lingvopragmaticheskom aspekte (na materiale gazet KNR) = The Problem of Translating Political Texts in the Lingvopragmatic Aspect (Based on Chinese Newspapers). *Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State Polytechnical University. Humanities and Social Sciences*, 2, 226–230. EDN: QCURXB.
3. Najda, Yu. (1978). K nauke perevodit' = Toward the Science of Translation. *Issues of Translation Theory in Foreign Linguistics* (ed. by V. N. Komissarov), 114–137. Moscow: Vysshaya shkola, 1978.
4. Rajs, K. (1978). Klassifikaciya tekstov i metody perevoda = Text Classification and Translation Methods. *Problems of Translation Theory in Foreign Linguistics*, 202–228. Moscow, 1978.
5. Xu, L. (2017). Metafora v rechi predsedatelya KNR Si Czin'pina: politiko-lingvisticheskij analiz = Metaphor in the speech of Chinese President Xi Jinping. *Political Linguistics*, 6(66), 135–140.
6. Fan, Y. (2024). Prepodavanie perevoda politicheskogo diskursa s kitajskogo na Russkij: Strategii i praktika v Kitae = Teaching Translation of Political Discourse from Chinese into Russian: Strategies and Practice in China. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 11-1(98), 218–220.

7. Koskinen, K. (2000). Institutional Illusions: translating in the UE Commission. *The Translator*, 6(1), 49–67.
8. Loupaki, E. (2008). De l'aspect idéologique de la traduction: La campagne présidentielle française vue par la presse grecque. *Les présidentielles 2007 au filtre des médias étrangers* (ed. C. Pineira), 207–217. Paris: L'Harmattan.
9. Loupaki, E. (2010). Investigating Translators Strategies in Rendering Ideological Conflict: the case of News Translation. *Political Discourse, Media and Translation* (eds. C. Schaffner, S. Bassnett), 55–75. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
10. Venuti, L. (1992). Rethinking translation: discourse, subjectivity, ideology. London, New York: Routledge, 254 p.
11. Venuti, L. (1994). Processing of phraseological units of the Chinese language in the translation. 176 p.
12. Verschueren, J. (2012). Ideology in Language Use: Pragmatic Guidelines for Empirical Research. Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 308 p.
13. Vidal Claramonte, M. (2010). Á. Traducción y asimetría. Frankfurt: Peter Lang, 189 p.
14. Wadensjö, C. (1998). Interpreting as Interaction. London, New York: Longman, 320 p.
15. Wadensjö, C. (2001). Approaching interpreting through discourse analysis. *Getting Started in Interpreting Research*, 185–198. Amsterdam: John Benjamins.
16. Yau, W. P. (2007). Norms, Systems and Ideology: a Case Study. *The Translator*, 13(2), 321–339.